

Исцеление и первая поездка Ильи М<уромца>

А запала дорожецька прямоежжая
Из тоґо же из ґорода из Києва
До тоґо же до ґорода Черниґова,
А запала дорожецька прямоежжая.
А во том же во Мурове,
Во селе-то, селе да Карачарове
А был же Илеюшка Муромець.
А сидел где Илеюшка триццэт лет,
А как пень где сидел да край дорожецьки.
Да однеґжа-однеґжа как в жаркой день
А приходит под окошко где старой человек:
«А стань-ко, стань, да доброй молодець, —
Ты подай-ко, подай да мне напитисе!»
Ґоворыл где Илеюшка Муромець:
«Не моґу я где встать дак и подвинуцьсе». —
«А стань-ко ты, стань, дак доброй молодець!»
И стал он ставать — дак понатужилсэ;
А взял он где цяшецьку медную,
Наливаёт где квасу холодного,
А подаёт он где чашу квасу старому.
А напилсэ старой, блаґодарствуёт:
«А напоил ты меня квасом холодным;
А на-ко ты, выпей из моей бутылоцьки!»
А выпил Илеюшка из бутылочки;
А силушки у Илеюшки втроё прыбыло:
Стал он ходить, дак не шатаицьсе,
Ище за углы он не запинаицьсе,
А пнёт он о угол — да вот и угол прочь.
А задумал где Илеюшка съездить во Черниґово,
А во тот же во славной во Киёв-ґрад
А ко тому же ко князю да ко Владимиру.
А шол Илеюшка на конюшин двор,
Да седлал где, уздал да коничка доброго,
А застегивал подпруг дак до двенаццати,
А тринаццату подпружечку подстегивал

Церез ту же где степь дак лошадиную,
А не ради басы, дак ради крепости —
Не оставил щобы конь да во чистом поли.
А брал он с собой дак уж тугой лук
А тугой-от лук да со заналучьём,
А каленя стрелочки со напольничком;
А брал он-де шубочку соболью же
(Дарёна была князём стольне-киевьским).
А садилсэ на коня — дак думушку думает:
«Я поеду дорожкой да прямоежжою
А во те во леса-леса во Брямские».
А не видели Илеюшкиной поездочки;
Только видели, как Илеюшка в стремяна ступил,
В стремя[на]-ти ступил — дак на коня скочил;
Видят: во чистом поли курёва стоит,
Курева-то стоит, дак дым столбом валит.
А заехал в дорожечку в прямоежжюю.
Как запала дорожка прямоежжая,
А запала дорожка полтараста лет.
А поехал Илеюшка леса дремучия
Да во те леса-леса дак он во Брямские
Да наехал на розбойничков на станицьничков.
Да не вёшная вода дак розливаицьсе, —
<О>не, разбой[ни]цьки, к Илеюшки подвигаюцьсе.
А нацели Илеюшку подергивать,
А нацели Илеюшку пошиньгивать.
«Уж вы ой еси, разбойнички-станицьнички!
А взять-то у мя дак вам уж нечего:
А цвето-де платьё да у мя не взято,
Золотой-то казны у мя не случилось;
Только взят у мя дак един тугой лук,
Да взята у мя дак шубочка соболья же —
Подареньиця князя Владимирера!»
Нечево же разбойнички не верили,
А всё уж к Илеюшки подвигаюцьсе,
Всё круг Илеюшки обсыпаюцьсе.
А соскочил где Илеюшка со добра коня,
Ухватил же тотарина за ноги —
Нацял тотарином помахивать,

Нацял тотарином похлапывать.
Сам же к тотарыну прыговарыват:
«Крепок тотарин — не сломицьсе,
А жильё же крепко — не сорвицьсе!»
А бьёт и казнит дак их до ёдного.
А тут же тотаришка испугалисе
И низко доброму молочьчу поклонялисе:
«Уж ты ой еси, удалой да доброй молодец!
Ты оставь нас хошь семеро на семяна!»
А бил где Илеюшка всех да едного:
«Не оставлю вас семеро на семяна!»
А садилсэ Илеюшка на добра коня —
А прибил-де разбойницьков всех до едного.
Да поехал-де Илеюшка по дорожечки прямоежжои
И заехал во леса дак во дремучия,
Во те во леса да он во Брамские, —
Наежджаёт на Соловья дак на розбойничка.
(А свито гнездо дак на двенаццати дубах!)
А слышил Соловеюшко-разбойничок,
А какой-такой ведь едёт удалой доброй молодець;
И начал свистать дак он уж полсвиста.
А этому Илеюшка не варовал.
А надувалсэ Соловеюшко-разбойничок —
А нацял свистать дак он во весь-от свис:
А лисьё со древ дак всё посыпалось,
А в озери вода да колыбаицьсе.
А Илеюшка к Соловью да прыдвигаицьсе,
Да не можот же конь терпеть да свисту соловьиного;
А бьёт же коня да по крутым ребрам:
«Конь, ты мой конь, да травяной мешок!
Не слыхал разе крыку тотарьского,
Не слыхал разе свисту да соловьиного?»
А бежал-то, бежал его коничок бодрой же,
А впал, шше стал да конь шше будто вкопаной.
А снимаёт Илеюшка тугой лук,
Вынимаёт-де лук дак из-за налучья,
А каленя стрелочки из напольничка —
А накладыват тетивочку шелковую
Да вкладыват стрелочку калёную.

Направляёт на Соловья дак на разбойничка,
А стрелил в Соловья дак во разбойницька —
А попало Соловью дак ему в правой глаз,
Да упал Соловей дак со своим гнездом,
Да упал Соловей дак на сыру землю.
А притиснул же конь да ко сырой земли;
А скочил-де Илеюшка со добра коня,
Хватил Соловья дак уж он за ноги,
Хлопнул Соловья дак о сыру землю.
А змолилсэ Соловей даг он разбойничок:
«А оставь-ко, удалой да доброй молодець,
Да оставь-ко, оставь да живого миня —
А поедём ко мне да хлеба-сбли кушати!»
А садилсэ Илеюшка на добра коня,
Приковал Соловья к седлу да ко черкаскому
Да поехал по дорожечки прямоежджои.
А завидял-де Илеюшка прибогáтой двор.
Есь у Соловья там-де две дочери;
Есь у Соловья-де там два зятилка:
Они сильни-могучие богáтыри,
А кони у их да были бодрыя,
А копья у их да очунь долгия,
А едут отнимат[ь] да Соловья-разбойничка
Да убить-де, убить дак доброго молоцца.
Говорыл Соловеюшко-разбойничок:
«Уж вы ой, зетья да мои милыя!
Не сердите удала да добра молоцьця:
Поворотите коней вы своих бодрых-я
Да зовите ёго да хлеба-соли кушати!»
А вышли дочери, низко кланеюцьсе;
А отворили варота широкия,
А поднесли подворотёнки цяжелыя;
А как поедёт удалой да доброй молодець —
А спустили подворотни цяжэлые
На того на удала да добра молоцца.
А завидял Илеюшка Муромець;
А снимат он где тугой лук да со налучья,
А каленую стрелочку да из напольничка,
Да натягиват тетивочку шелковую,

Да вкладыват стрелочку каленую,
Направлят на подворотню цяжэную
Да стрелил в подворотёнку цяжелую —
Полетела подворотня цяжолая,
А убила где две сёстры родимых-я.
А те же зетья дак россержалисе,
На Илеюшку туго да направлялисе.
Говорил Соловей дак им разбойничок:
«Не сердите удала да добра молоцца;
А кланейтесь да очунь низко же —
Не оставит ли вас ище во живности?..»
Направляёт стрелу дак он каленую
На одного на сильнёго боғатыря —
Застрелил он сильнёго боғатыря.
А поехал где Илеюшка на стольне Ки[е]в-град,
А не спускаёт Соловья дак он разбойничка.
Приезджаёт Илеюшка в стольне Киев-град;
Заезджаёт Илеюшка на боярской двор
И с тем Соловьем дак со разбойничком,
Привязал он коня да к золоту кольцю.
А идёт же Илеюшка во светлу грыню
Ко тому же ко князю да ко Владимиру,
А крест-от ведёт дак по-писаному,
А поклон-от ведёт дак по-учоному.
Да кланялся удалой да доброй молодець
А тому же ведь князю Владимиру,
А той же кнегинушки Апраксеи.
Говорыл ведь князь Владимир стольне-киевьской:
«А приходи-тко ты, удалой да доброй молодець.
А какого оцца, какой ты матушки?
А куда же ты идёшь, куда путь держишь?» —
«Из того же я из города из Мурова,
Из села-та, села да Карачарова;
Уж я стар же казак дак Илья Муромеч;
А ище ехал я дорожечкой прямоежжою,
А прыбил я розбойничков сто[а]нисьничков
А прыбил я Соловья дак я разбойничка!»
А бояра-ти все дак осмехнулисе:
«Не напрасно ли хвасташь, дак доброй молодець?

А заросла уж дорожка да прямоежджая,
Заросла уж дорожка да полтараста лет!» —
«А не верите, боярышка косопузые, —
Привезен у мня Соловей да ведь разбойничок,
А прикован разбойничок ко стремянам.
А не хотите ли вы дак еґо видети?»
А пошел же Илеюшка ко добру коню,
Отомкнул-де разбойничка от стремянов
Да повёл-де разбойничка во светлу ґрыню,
А приказал ему засвистеть уж как полсвиста.
И начал Соловеюшко надуватисе —
Засвистел Соловеюшко во весь-от свис:
Да боярышка — все они попадали,
А князь-от Владимир одва уж не оглох ведь тут.
Россердилсе где стар казак Илья Муромеч
Да выхватил Соловья дак на широкой двор,
А хлопнул Соловья дак о сыру землю —
А убил Соловья дак он до смерти тут.
А перва поездка была Ильи Муромьча
Из того же из города из Киева
До того же до города Чернигова.

(Зап. А. Д. Григорьевым 31 июля 1901 г.: д. Азаполё — от Авдушева Якова Тихоновича, 63 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым
в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.